

Петь легко, когда идёшь по роще,
Полной жизни трепетных берёз.
С ними хором петь намного проще
Под сопровождение стрекоз.

Петь легко, когда рыжеет осень
Ярким клёном в солнечных лучах,
И над головой прозрачна просишь,
И цветы последние в руках.

Трудно петь, когда озноб и слякоть,
Тучи низко — хоть коснись рукой.
Кажется, что вечно будет плакать
Небо над холодной землёй.

Трудно петь, когда морозом жгучим
Сушит рот, и душу заодно,
И впивается узор колючий
В серое продрогшее окно.

Только пой всегда. Пусть будет трудно.
Пусть сжимают горло неудачи.
Пусть бессонна ночь, бессильно утро.
Пой всегда. Тебе нельзя иначе.

Мне куда-то надо деться.
Мне куда-то скрыться надо
От нелюбящего сердца,
От насмешливого взгляда.

От самой себя сбежать бы,
От измучившей неволи.
С быстрым ветром поиграть бы
В догонялки в чистом поле.

Мне бы песни петь, не мучась,
Иль стихи писать простые
Где-нибудь в лесу дремучем
Про весну и про стихи.

Только скоро затоскую
По насмешливому взгляду
И опять в толпу людскую
Возвратиться буду рада.

Ни дня без радости — сказал пророк.
Приходит радость к нам извне, снаружи.
Пусть это свечки тёплый огонёк
В крошечной тьме недоброй зимней стужи.

А если повезёт, уютный дом
С огнём камина и хрустальным звоном.
Счастливый смех в уютном доме том
И лёгкий аромат духов знакомых.

А если нет ни дома, ни свечи,
Камина и хрустального бокала,
Внутри себя ты радость отыщи,
В душе твоей той радости немало.

Годы становятся всё короче,
Торопятся годы сменить друг друга,
Будто их цель — оборвать досрочно
Моё пребывание в этих буднях.

Я не жила ещё, как хотела.
Варила, стирала. Работа, заботы.
Недолюбила и не допела.
И проглядела важное что-то.

А если всё так, как совсем не хотелось,
Зачем я цепляюсь за скучную серость,
Ночами пугаюсь, что сердце устанет
И завтрашний день никогда не настанет?

Подарила судьба два крыла,
А потом наградила бедой.
Я в сундук убрала два крыла.
Недосуг мне летать над землёй.

Но как только отпустит беда,
Хоть на день,
Хоть на час,
Хоть на миг,
Надеваю себе два крыла
И летаю под звёздами в них.

День примерял свой вечерний наряд,
Когда я ушла из дома,
В котором жила много лет подряд,
Где всё мне до боли знакомо.

Где кошки бродили и слушали звук
Скрипящей входной двери,
А под подоконником замер паук:
В уход мой он тоже не верил.

Я спорила долго сама с собой,
Не обходя лужи.
Я знала, что скоро вернусь домой
И приготовлю ужин.

Для ласковых кошек и паука.
Для дочки, печального мужа.
Я верила, что нужна им пока,
Что всем без меня — хуже.

Живу в каком-то мире нереальном.
В нём главная беда — непониманье
Того, что было и того, что есть
Сегодня, здесь.

Я в ночь погружаюсь, как в омут.
Я не хочу видеть снов.
Уснуть — и проснуться — уйти из дома,
Забыв про печали его углов.

Ах, вырваться бы из моей неволи
И убежать куда глядят глаза —
На речку, на лужайку или в поле,
И чтоб не отказали тормоза.

Салют нам всем, друг друга понимающим!
Да будет свет над нашей головой!

Напиток января до дна!
Шампанскому подобно из бокала.
Теперь я точно знаю: жизнь одна.
И даже если не «до дна», то мало.

Я не успела летний зной допить
И насладиться прелым листопадом.
А жизнь торопится, летит, летит.
И кажется, что ничего не надо.

Ни слёз печали, ни любовных ласк,
Стихов моих — то грустных, то счастливых.
Да кто всё это мне сегодня даст?
Никто. И это справедливо.

И память снова душу берedit.
Но в прошлое гляжу без укоризны.
А мой январь за окнами грустит.
О чём? Да все о ней, о жизни.